

Мессерер Борис

14.11.03

Мессерер в «Большом Манеже»

Родная газета — 2003 — 14 ноября — с. 16

Его мать — известная актриса еще немного кино, затем легендарный художник по костюмам Анель Судакевич. Отец — фантастически виртуозный танцовщик Асаф Мессерер. Их семья — это еще и великие балерины Суламифь Мессерер, Майя Плисецкая, известный актер МХАТа Азарий Азарин. Остается добавить, что жена художника — сама Белла Ахмадулина, поэт милостью Божией.

Каждая выставка Бориса Мессерера — событие. Талантливый художник, сценограф, оформивший десятки спектаклей, поставленных известными отечественными режиссерами, он знаменит сегодня и сам по себе.

Долгие годы мастерская Мессерера была, да и сейчас остается, обителью шестидесятников — лучших представителей поколения интеллигентов, объединенных независимостью суждений, противостоянием рутине в литературе и искусстве. Василий Аксенов писал, что «пойти к Боре и Белле означало участвовать в вольной мысли». Не случайно именно там зародилась идея знаменитого альманаха «Метрополь», что имело для многих его авторов очень горькие последствия...

И вот теперь — эта большая выставка в престижнейшем для художников месте столицы. На вернисаж пришли многие из старых и верных друзей. Шестидесятники не растеряли ни высокой нравственности, ни молодой веселости.

Андрей Вознесенский с вечным шарфиком на шее, Дмитрий Жилинский с мальчишеским чубчиком, вальяжный Александр Ширвиндт — они, кажется, все те же...

А выставка в определенном смысле юбилейная. Ведь ровно сорок лет назад, в 1963-м, Мессерер дебютировал как театральный художник на сцене Большого театра СССР, оформив одноактный балет Васильева и Касаткиной, тоже тогда молодых, «Подпоручик Киж». Нынешняя экспозиция в Москве та же, что была представлена минувшим летом на всемирной выставке-конкурсе X Квадриеннале сценографии в Праге. Там Мессерер был удостоен почетной серебряной медали. Здесь макеты и эскизы декораций к балетам Д. Шостаковича «Светлый ручей», Р. Щедрин «Конек-Горбунок», макет и костюмы к «Фаусту» на Та-

ганке. Воочию явлен редкий дар Мессерера-сценографа — умение преобразовать, казалось бы, самые обычные вещи в волшебные театральные образы.

Но зрителям предъявлена и еще одна важная ипостась художника — натюрморты. Особые, неприличные. На них запечатлены вещи, которые встретишь сегодня разве что в заброшенных сараях или на старых дачах, — древние утюги, керосиновые лампы, пыльных железки и шестеренки или бутылки давно забытых форм. Ушедшее время будто не спешит расставаться с нами — заключенное в рамы, оно становится историей.

Центр экспозиции — внушительных размеров инсталляция, посвященная памяти друга, рано ушедшего прозаика Венедикта

Ерофеева. Композиция, состоящая из множества винных бутылок, ступенями уходящих вверх, а в горлышке каждой — поминальная свеча. Сложнейший образ погубленной жизни. Старые канцелярские счеты, венчающие конструкцию, будто напоминают о ценности каждого дня, судьба суммирует и вычитает: сколько прожито — сколько осталось...

Вместилище Манежа будто превратилось в мастерскую художника Мессерера. Из полумрака выступают картины, напряженно-таинственная атмосфера вокруг. Здесь будто витают строки Беллы Ахмадулиной, посвященные Борису:

*Искать пристанища иного —
какая бедная тщета.*

*Весь этот мир —
не больше слова
и не просторнее холста.*

Р. Щедрин, Б. Мессерер, М. Плисецкая